



В краевом архиве Алтайского края хранится папка, на титульном листе которой написано: «Из фашистских лагерей к партизанам Франции. Записки рядового 5-й гвардейской дивизии». Автор записок Алексей Кривошеин. Его судьба хорошо известна алтайским краеведам, в местной прессе неоднократно появлялись статьи о нем. Однако воспоминания старого солдата, поступившие в архив пятьдесят лет назад, до сих пор нигде не публиковались. Наш журнал дает некоторые отрывки из записей Алексея Федоровича.

Записки солдата

**АЛЕКСЕЙ
ФЕДОРОВИЧ
КРИВОШЕИН**

родился 30 марта 1913 года в селе Тундриха Залесовского района Алтайского края. Попал в плен в 1941 году под Калугой. Прошел 13 концлагерей — в России, Польше, Австрии, Германии, Франции. Во Франции совершил успешный побег. Сражался в рядах французского Сопротивления, в отряде Маки де Ванту. Награжден двумя французскими медалями, орденом Отечественной войны второй степени (за партизанскую борьбу в тылу врага, 18 марта 1948 года), медалью «За победу над Германией». Записки о войне начал в 1962 году, закончил в 1963-м. Умер в Барнауле 6 августа 2006 года.



литься. Скажи, есть ли среди пленных комиссары и коммунисты? Хлеба дадим». Я ответил, что никого не знаю, а богу молиться не могу, потому что правая рука не действует, ранена, а левой рукой молиться не умею. Эти немцы и полицаи били меня и других пленных, чтобы мы поскорее подошли.

Все мужчины лагеря № 1112 (в Австрии — прим. ред.) работали на авиационном заводе. С июля 1942 года стал работать и я на этом заводе. До июля у меня не поднималась правая рука после ранения и контузии.

Я попал в группу Ланко Франца. Нас было в группе шесть человек. Мы вывозили из лагеря мусор от столовой и бараков на лошадах. Ланко Франц говорил по-русски и рассказал нам, что он был конвоиром русских военнопленных в Первую мировую войну и научился от них говорить по-русски. Он говорил нам, чтобы мы не боялись австрийцев, что среди них есть много хороших людей, и они ненавидят Гитлера.

Однажды, когда мы вывозили мусор из гражданского лагеря, старый Ланко завел меня в проходную будку. В проходной мне дали полбуханки хлеба, а потом указали на стену. Я поднял голову и увидел карикатуру. Крупным планом нарисованы Сталин, Рузвельт и Черчилль, сидят в кружок, играют в карты. У Сталина в руках все четыре туза, у Рузвельта и Черчилля — дамы, десятки, вальты, девятки.

В 1943 году Ланко сообщил нам, что под Сталинградом Красная Армия окружила и взяла в плен много немцев. Гитлер объявил траур, приказал всем надеть черные повязки. Все немцы в лагере надели черные повязки, носили их три дня.

До войны я жил в Барнауле, работал на первом хлебокомбинате. 30 мая 1941 года меня взяли в армию на 45 дней, на переподготовку, в 347-й артиллерийский полк 107-й стрелковой дивизии в первую батарею, 1-й взвод, в 1-е отделение. Я служил ездовым конной тяги батареей.

10 октября поступил приказ отступить в сторону Калуги. Мы поставили свои пушки на передок и тронулись дорогой. Расчет орудий и командир 1-го взвода побежали огородами, напрямик. Мы тронули своих лошадей в галоп. Под Иваном Анисимовым была убита лошадь, у нее отлетела голова в сторону. Первая пара лошадей упала, следом — вторая пара, и упали мои кони. Мне придавило правую ногу. Я снял с плеч свой карабин и стал стрелять по немцам. После этого я побежал, куда отступала батарея. В шуме боя я слышал голос ездового Ухваткина, он просил Сталина спасти ему жизнь. Сгоряча я не чувствовал ранения, как очутился на земле, — не знаю. Попытался встать на ноги и не мог. Голова не поворачивалась, правые рука и нога не двигались. Слышу разговор. Я затаил дыхание. Где был мой карабин в это время, не знаю. Подошли фашисты и чем-то ударили меня, я потерял сознание.

«Я и Гриша, один француз — во время партизанщины. Здесь мы подбили немецкий мотоцикл, убили 3 фашистов».

Фото подписано Алексеем Кривошеиным

Очнулся я в сарае. Возле меня сидели Анисимов Иван, раненный в правую руку, Сизов Николай. Здесь в сарае были солдаты из нашего полка. Сизов Николай (из Тальменского района) поворачивал меня с боку на бок. Врачей не было.

Через несколько дней в лагерь пригнали новых пленных. Здесь я встретил Лебедева Александра из Барнаула, с которым мы вместе работали на хлебозаводе.

Нас пригнали в Юхнов. Здесь стало еще хуже, русские полицаи ходили с плетями и избивали пленных. Больным и раненым не было никакого лечения, единственным лекарством была своя моча. Мочой промывали раны и пили ее. Многие умирали от голода и дизентерии.

Два фашиста поставили меня у двери на колени, один немец разговаривал по-русски. Тут же были два лагерных полица-русских, которые требовали от меня, чтобы я молился, если беспартийный. «А если ты коммунист, то не будешь мо-

За все время, сколько я пробыл в плену, не помню, чтобы немцы варили для пленных мясной суп. Мы пришли с работы, а другие уже получали суп и удивлялись тому, что немцы кормят нас мясным супом. Получил этот суп и я, пришел в барак, сел на нары, и вдруг кто-то крикнул, что нас кормят нашими братьями — русскими пленными. Если не верите, вот смотрите: человеческий ноготь в супе. И, правда, в супе был человеческий ноготь. Этот суп пленные вылили, вылил и я.

Однажды я хотел удавиться, скрутил себе петлю, а за мной наблюдал один белорус, уже пожилой мужчина, по имени Иван. Он стал говорить мне: «Сибиряк, зачем ты будешь себя губить? Ты задавишься, тебя закопают, как собаку, и никто не будет знать, за что ты погиб. Будем знать только мы, что ты задушил сам себя потому, что не мог выдержать фашистской неволи. А может быть, ты сбежишь из плена и будешь партизаном, убьешь хоть одного немецкого солдата, все-таки сделаешь пользу нашему народу. Подумай об этом».

Ночью в лагере убили одного русского полица. Полицаев прибыло в лагерь 90 человек, они гоняли нас на работу. Убийство произошло в семнадцатом бараке. В этом бараке немцы проводили вербовку во власовскую армию. По-видимому, убийство произошло на этой почве. Из этого барака никто не пошел служить немцам.

3 мая 1943 года немцы погрузили в эшелон большую группу русских военнопленных и отправили во Францию, в город Марсель. Я и Григорий Загребельный оказались в Марселе. В мае же нас отправили в город Ним. В трех километрах от Нима был немецкий аэродром с самолетами.

Во Франции стало несколько легче в том отношении, что нас поддерживали французы продуктами. Это делали так. Если сегодня мы работали в каком-либо месте, то завтра здесь находили свертки из бумаги. Возьмешь этот сверток, а там две картошки, виноград, или кусочек хлеба граммов двадцать — тридцать.

Я крепко подружился с Григорием Ивановичем Загребельным. Сначала мы поспорили, я обозвал его предателем за украинское происхождение. Но время шло, а дружба крепла.

Загребельный рассказал, что слышал разговор немецких солдат, в котором часто употреблялось слово «партизан». Из этого разговора мы сделали заключение, что где-то близко есть французские партизаны. До-

говорились, что если побег удастся, то попросим помощи у французов — жителей того дома, где брали воду для немцев-конвоиров.

Однажды американские самолеты бомбили город Авиньон с большой высоты. Немецкие солдаты бегали, как сумасшедшие, но потом затихли после отбоя. Они стали, как звери. Это было ночью с 4 на 5 июня 1944 года.

Во время тревоги и после нее мы наблюдали за немецкими часовыми. Ближний часовой свесил голову на грудь — уснул. Мы решили воспользоваться моментом, и пошли насмерть. Мы проползли от часового метра в 20-30. Он спал, и мы не убили его. В руке у меня была бритва, которую дал мне власовский пропагандист.

...Из дома французов на наш стук вышла та самая девушка, которая часто ездила мимо нас на велосипеде. Мы спросили у нее по-русски, где французские партизаны и нет ли в доме какой-нибудь карты? Она ввела нас в комнату, принесла из другой комнаты географическую карту, провела по ней линию карандашом и поставила точку в конце линии, потом провела пальцем и сказала по-французски «партизано».

В Южной Франции деревни небольшие, несколько домов. Вышел к одной из таких деревень. На отшибе стоял дом, к нему и направился. Около дома средних лет мужчина запрягал мула в двухколесную повозку. Возле француза играла девочка лет трех и лежала маленькая, с кошку, собачка. Француз не заметил меня, но собачка залаяла, девочка заплакала и показала на меня. Француз выпрямился и повернулся ко мне лицом. Я заметил, что он вздрогнул. Я огляделся вокруг, никого больше не было, я сел возле француза. Он тоже сел.

Француз понял лишь такие жесты, как втягивание живота и движение челюстей, когда человек кушает. Француз похлопал меня по плечу и сделал знак рукой — сиди здесь. Вернулся с двумя женщинами. Француз подал мне граммов тридцать хлеба и вареное яйцо. Я разломил хлеб и яйцо пополам, одну половину съел, другую положил в карман. Женщины показывают жестами: кушай все, а я поднял два пальца, показываю, что нас двое. Одна женщина поняла, пошла в дом и принесла еще такой же кусочек хлеба и яйцо.

Рядом со мной сел француз. Я снял свои ботинки и подаю их ему, показываю на свое австрийское обмундирование и прошу обменять это на гражданскую одежду. Но француз не понял.

Среднего роста черноватая француженка стояла против нас и говорит: «Русский эмигрант». Я подумал, что где-то здесь есть русский эмигрант. Поднялся, подошел

к женщине и спрашиваю, где живет русский эмигрант? Беру женщину за руку и показываю жестом, что пойдем к русскому эмигранту. Женщина поняла меня. Я пошел виноградником, а женщина дорогой.

Шли мы километра два, вышли к дому. Метрах в ста от дома пашут на конях два мужика, лошади запряжены не парой, а гуськом. Француженка показывает рукой на мужчину, который водит лошадь и называет его «рус».

Когда подошел вплотную, вижу, что на нем наша родная красноармейская гимнастерка довоенного образца. Подаю ему руку и говорю: — Здорово, русак!

Задержал его руку в своей, и говорю:

— Мы как русские должны договориться на русском языке. Вы должны мне помочь. Если у вас осталось хоть немного русского, то вы поможете, а ничего не осталось, — можете выдать меня немцам, награду получите, двадцать или сорок тысяч франков.

Эмигрант встал на колени и заплакал. Он сказал, что очень обидел его своими словами, что он много лет живет во Франции, и никто из русских не говорил ему таких слов.

— Мне нужна одежда, гражданская французская одежда. А мою одежду пленного возьмите и спрячьте.

Он принес мне гражданские ботинки, черный берет, поношенные брюки, черный поношенный пиджак, рубаху, батон хлеба, 75 франков, бутылку виноградного вина, брезентовую сумку с полотняным ремнем на плече, как наш противогаз. Французы в таких сумках носят на поле продукты. Я тут же переоделся.

Француженка посмотрела на меня и сказала: «Франс».

Я попросил у эмигранта еще комплект гражданской одежды, но он ответил, что у него нет больше, придется обратиться к соседям. Он вернулся с таким же, как у меня комплектом одежды.

В разговоре с эмигрантом выяснилось, что он из Ново-Николаевска (Новосибирска), что там у него остались братья и другие родственники. В первую империалистическую войну попал в плен к немцам, бежал во Францию и остался здесь жить. На Родину не вернулся потому, что после революции в России во Франции была пропаганда, будто всех бывших пленных коммунисты веша-

ют и расстреливают. Он побоялся вернуться, женился здесь, обзавелся хозяйством.

Я рассказал ему о себе, и он был немало удивлен, что встретил земляка. Он спросил меня, куда я поеду жить после войны: в Америку или в Англию? Он не верил, что я собираюсь вернуться домой. А пока мы держим путь к французским партизанам, и я попросил его написать записку на русском и французском языках: «Добрые французы и француженки, помогите нам быстрее добраться к партизанам. Мы — русские, были в плену у немцев и сбежали из Авиньона».

Эмигрант попросил меня, если останусь живой, то перед отправкой на Родину навестить его, ему хочется написать письмо своим родственникам в Сибирь, известить их, что он жив.

Когда я вернулся к Загребельному, он лежал лицом вниз, глаза его были заплаканными. Я сказал: «Вставай, Украина, Сибирь пришла! Сбрасывай с себя Германию!» и подал ему сверток одежды.

Место нашего привала присыпали табаком, который дала мне девушка, пришедшая из дома эмигранта. Запомнилось, что это селение называлось Каваён.

Мы поднялись в гору, решили отдохнуть в кустах у тропинки. Подкрепиться сырой картошкой. Вдруг слышим, что на тропинке в кустах кто-то шуршит. Вскоре появился мужчина в белой рубашке, черном пиджаке и черном берете с сумкой через плечо. Шел медленно, прихрамывая, вроде крадучись. Мы окликнули его: «Камрад!» Француз остановился, вздрогнул от неожиданности, и головой крутит, осматривается. Увидел нас, робко подошел.

Подали ему нашу бумажку. Прочитав ее, француз поздоровался с нами по-французски: «Рус камрад». Обнял и поцеловал каждого в щеку. Он указал на себя и говорит: «Партизано».

Капитан-испанец спросил нас, как и когда попали в плен к немцам. Мы рассказали и дали ему свои домашние адреса в СССР. Мы спросили его, нельзя ли сообщить в Москву о том, что мы находимся во Франции, в партизанском отряде, чтобы в Москве и у нас дома знали об этом. Капитан обещал выполнить это.

Утром видим, в луже умывается упитанный, широкоплечий мужчина выше среднего роста, без рубашки. Я гляжу на него и говорю:

— А зачем тут этого борова-немца держат? Расстрелять его надо.

Поляк перевел мои слова, а французы громко рассмеялись. Этот мужчина подошел к нам, поздоровался по-французски

и поцеловал нас. Чех перевел нам: это не немец, а француз, командир всех партизан в округе по фамилии Бэин. Я извинился перед ним.

Бэин решил отправить нас в Интернациональную группу № 4, командовал которой младший лейтенант Москито. В этой группе мы встретили трех русских, бежавших из плена. Мы не знали их раньше, это были Дмитрий Благой, Егор Сироткин и Жорка, фамилия его не запомнилась.

В группе были люди разных наций: французы, испанцы, поляки, чехи, сербы, индокитайцы, румыны, болгары, один итальянец, французский еврей. Знак отличия этой группы — красная лента на шее, сложенная вдвое. В Южной Франции партизаны «Маки Ванту» носили на левой руке красную повязку с надписью по-французски: «Резистанс Маки Ванту» и еще флажок своего государства. На нашей ленте шириной около пяти сантиметров была вышита желтыми лентами пятиконечная звезда. Серп и молот в середине, а по концам звездочки. Звездочки нам вышивали французские девушки. Мне вышивала девушка по имени Ману, та самая, что принесла в павильон чистое белье. У Ману мать — француженка, отец — испанец.

В селе Мамбро немцы жестоко расправлялись с населением: расстреливали, насиловали женщин, били всякого, кого подозревали в связи с партизанами. Немцев выбили из Мамбро силами Интернациональной группы, коммунистов и капитана-испанца. Село опять стало партизанским.

Партизаны расположились на отдых. Собрались жители села. Они попросили нашу интернациональную группу, чтобы представители каждой национальности исполнили свои песни на родном языке. Пели каждый по отдельности: француз, испанец, итальянец, чех, поляк, югослав, негр, индокитаец, болгарин, румын. Дошла очередь до нас, русских, а хорошие певцов не оказалось. Решили спеть хором, пятеро. Нас попросили спеть партизанскую песню «По долинам и по взгорьям...» Оказывается, эта песня известна во Франции. Это был интереснейший концерт.

Не успели мы выспаться, как подошел ко мне капитан Робер, разбудил и сказал, называя меня по имени — Алексис: «Пойдем в разведку».

Мы шли разведать, как охраняется немецкий военный склад, и если удастся приблизиться к нему — разбить его. На пути попался дом. Зашли попить воды. Капитан Робер напился и подал мне посуду. Назвал меня: «Камрад рус», а хозяин не дал мне воды. Он рассказал, что в его доме недавно были немцы и русские (власовцы), которые при хозяине изнасиловали его жену

и дочь. Капитан долго объяснял ему, что этот русский не виноват, наоборот, он бьет тех русских, защищает французов от них и немцев. Тогда только хозяин налил мне воды.

Мы заняли огневую позицию на половине горы, все разместились врозь. На мосту появилась легковая машина. Капитан Робер посмотрел в бинокль и сказал по-французски, что это немцы едут. Когда машина поравнялась с нами, я бросил в нее гранату. В машине сидел немецкий полковник, три офицера и солдат-шофер. Все оказались убитыми.

Капитан Робер подобрался к машине взял в ней какую-то папку и когда возвратился к нам, поцеловал меня в щеку со словами: «Бон рус камрад». Он дал свисток — сигнал отхода, а мне и Жану приказал остаться и прикрывать отход огнем пулемета.

Вскоре у моста появились две автомашины с немцами. Первая машина перешла мост, из нее застрочил крупнокалиберный пулемет по нашей засаде. Вторая машина тащила за собой сорокапятимиллиметровую пушку, в кузове сидели солдаты.

Я прицелился в первую машину и дал по ней две короткие очереди. Машина загорелась, а пулемет умолк. Я выпустил по ней три рожка патронов, сорок две штуки.

Отходил в ту сторону, как указал капитан. Удобный выход был один, но его уже перехватили немцы. Пришлось взбираться по крутой скалистой горе на вершину. В камнях удобней укрываться от огня. Дополз до скалы, но подняться на нее с пулеметом не хватало сил. Пулемет забросил на выступ скалы и полез на нее, но, видимо, немцы заметили меня, по камням защелкали пули. Полз долго, как мне показалось, выбился из сил.

Уходил отсюда уже ночью. Скрывался в горах и в лесу двое суток.

У подножия горы увидел два дома и решил подойти к ближайшему. Я не знал, что из дома за мной давно наблюдают. Из дверей навстречу мне показались стволы винтовок и автоматов, потом вышли люди. Среди них я увидел знакомое лицо француза из партизанской группы коммунистов. Я крикнул им по-русски: «Товарищи!», и по-французски: «Марус Алексис». Произошла радостная встреча. Я сказал, что хочу пить



«Начальнику отряда им. т. Сталина от партизан действующего отряда. Командир отряда Шабанов. Партизаны Степанов, Кузьмин».
Фото подписано Алексеем Кривошеиным

а американцы сами не уйдут. Я ответил, что вы, французы, сами выгоните американцев. Подполковник Бэин с грустью сказал, что опять придется менять свой военный костюм на партизанский.

Наш первый батальон прибыл в Бухенвальд в Восьмую ударную армию. Батальоном командовал уже новый командир, гвардии капитан. Здесь, в Бухенвальде, один армянин повесился, он был помкомзвода, три рядовых армянина* куда-то сбежали из батальона. После этих случаев весь наш батальон отправили в Среднюю Азию, в город Ленинабад, для проверки всего состава. После этой проверки меня взяли на военную службу в другую часть Советской Армии, расквартированную в Ленинабаде.

Здесь я служил с 6 июля 1946 года до 1948 года.

В родной Барнаул я приехал 29 июня 1948 года и поступил на работу на Барнаульскую нефтебазу 10 августа 1948 года.

P.S. Известно, что у Алексея Кривошеина во Франции остался сын. Матерью его стала Ману, о которой Алексей Федорович упоминает в записках. Русская дочь Кривошеина пыталась найти французского брата. Но поиск не увенчался успехом.

В 1972 году в сборнике «Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления» вышел очерк Алексея Кривошеина «В Маки Ванту. Этого не забыть», из которого мы узнаем: «В Барнауле живут и мои боевые друзья — Григорий Иванович Загребельный (стал мужем сестры Кривошеина — прим. ред.) и Дмитрий Сергеевич Благой».

К печати подготовила
Лариса ВИГАНДТ

и кушать. Партизаны попросили у хозяина дома кусочек сыра, хлеба и фасольного супа. На мои вопросы партизаны ответили, что все живы, только кое-кто поцарапан, а меня считали погибшим.

Я пошел пешком в деревню Орел, где располагалась моя группа. Когда я подошел к деревне, увидел, на дороге стоят младший лейтенант Москито, капитан Робер и мой друг Загребельный. Встретили, как родного брата. Загребельный заплакал, не утерпел и я.

Вечером собрались все французские офицеры. Командир партизанских групп Бэин сказал: «Награждаем вас французским крестом первой степени». Я стал отказываться от креста, но меня убедили, что это не церковный крест, а французский орден, награда.

В освобожденном Авиньоне состоялся парад партизанских войск. Принимал парад французский генерал. Я шел в первом ряду со своим напарником испанцем, во втором ряду шли Загребельный, Благой, Сиротин и Егор. После парада шли колонной по улице, а на тротуарах стояли толпы жителей города, приветствовали нас. Я заметил знакомую девушку-франуженку и сказал Загребельному, что это та самая девушка, которая дала нам карту, когда мы бежали с аэродрома. Я попросил разрешения у Москито выйти из строя, и он разрешил. За мной последовал Загребельный. Выяснилось, что у нее было задание от партизан помогать бежавшим пленным. Девушку звали Марсель. Мы побывали в ее доме, поблагодарили всю семью.

В Карпантра прибыли части американской армии и английские войска. Мы располагались в школе. Вдруг зашли к нам три американских солдата и спрашивают

русских партизан. Мы вышли во двор, пять человек, и встретились с ними. Оказалось, что среди американцев был один русский по имени Иван, фамилию не помню. Иван рассказал, что отец увез его в Америку из России в шестилетнем возрасте, во время революции. Иван хорошо говорил по-русски. Он с удовольствием поехал бы на Родину, но боится, что его посадят в тюрьму русские коммунисты за то, что его отец сбежал из России. Мы посмеялись над этими страхами и ответили, что это ложь и клевета на нашу партию и Советскую власть. Иван подарил мне свой фотоснимок, потом снял пилотку с американской кокардой и отдал мне в обмен на мою пилотку. Я сказал, что моя пилотка не советская, а французская, а он — все равно от русского человека.

В последних числах мая 1945 года нам сказали готовиться к отправке на Родину. Я отпросился у командования полка съездить в Авиньон, попрощаться со своими товарищами — партизанами «Маки Ванту». Отпустили на три дня. В Авиньоне встретил подполковника Бэина, он шел улицей в свою часть. Я сказал ему, что скоро мы едем на Родину, и я приехал попрощаться со всеми партизанами и с ним. Бэин предложил зайти в павильон, посидеть. Он взял по сто граммов виноградного вина и пастис. Пастис французы пьют с водой.

— Да, жаль вас, русских, что вы уезжаете домой. Большое спасибо русским за то, что помогли французам выгнать немцев с нашей земли. А что нам будет помогать выгонять американцев из нашей страны? Вы, русские, живете далеко от нас,

* В октябре 1944 года Кривошеин перешел в Первый Советский партизанский полк, узнав, что это соединение раньше других отправится в Советский Союз. Вместе с Кривошеиным только пятеро вступили в новое соединение, 80 человек остались в прежних формированиях. Полк под командованием Казаряна состоял на 70 процентов из армян. Армяне служили у немцев, утверждали однополчане Кривошеина. «Старожилы полка, русские: Липатов, Илюхин, Дутка, Афонин, Сергеев, рассказывали нам, что город Менде партизаны окружали три раза. На третий раз армяне перешли к партизанам».